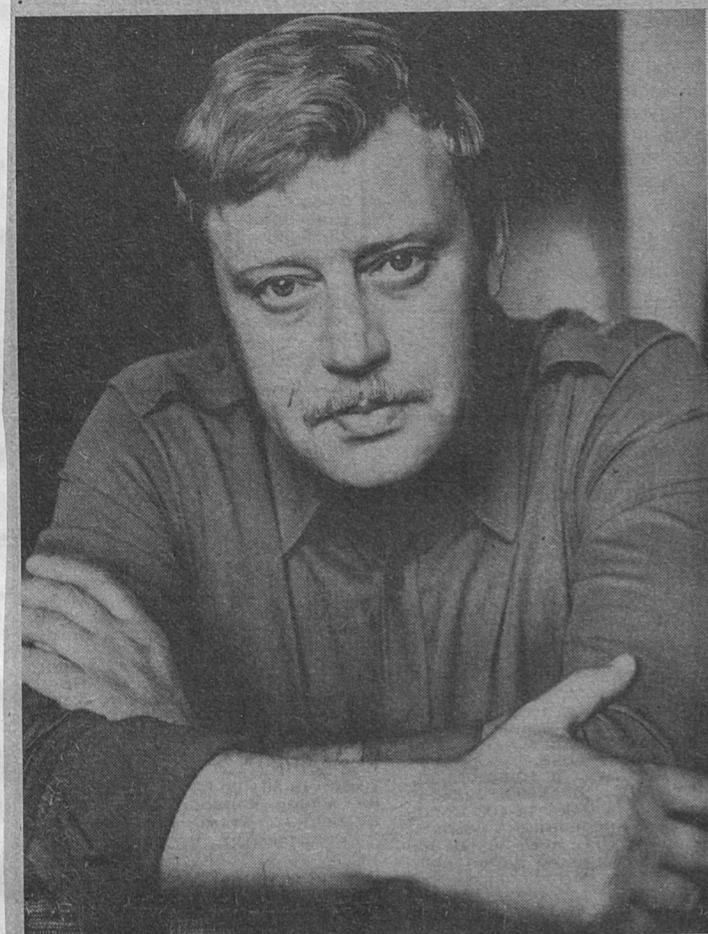

КИ ВСЕ-ТАКИ: МНОГО ИГРАТЬ!

ЕСЛИ просмотреть афиши Тульского драмтеатра за последние двадцать лет, мы обнаружим закономерность, свойственную, наверное, и любому театру: труппа его — это живой, постоянно обновляющийся организм, но есть в нем некое ядро. Его составляют актеры, отличающиеся постоянством, не склонные к перемене мест. Их имена знает в Туле каждый, они стали частью духовного облика города, его культуры, туляки ими дорожат и гордятся. Среди них — имя заслуженного артиста РСФСР Николая Алексеевича Казакова. Вот уже два десятилетия оно значится в афишах Тульского драмтеатра с завидным постоянством, и по ним же, афишам, можно заметить, как из года в год все значительнее становились исполняемые им роли и как много работает этот актер.

Все, что было до Тулы, практически находится вне его творческой биографии или играет роль подготовительную.

Родился в Серпухове. Война и эвакуация перебросили семью серпуховских ткачей Казаковых в Уфу, где Николай пошел в школу.

После окончания ее учился в Уфимском сельскохозяйственном институте, оставил его, поступал во ВГИК, где его «перехватил» на приемных экзаменах кинорежиссер Е. Орлов и пригласил сняться в фильме «О чем шумит река». Несколько месяцев работал в Тульском ТЮЗе, начал учиться в ГИТИСе им. Луначарского, откуда его призвали в армию, играл в армейском народном театре... Все это, кажется сейчас, происходило с калейдоскопической быстротой. И уже после службы, имея приглашение работать в Москве, в Центральном театре Советской Армии, вдруг решил вернуться в Тулу, где, проработав несколько месяцев в ТЮЗе, успел получить приглашение в драматический театр.

— Почему все-таки в Тулу — не в Москву, не в Уфу?

— Понравилась труппа. Сильная, интересная. Я уже знал, к какому режиссеру иду — к Ф. С. Шейну. Понял, что такие хорошие партнеры на сцене, в спектакле. А ГИТИС решил окончить заочно, после армии в студенты идти уже не хотелось, тянуло работать...

РАБОТА... Бесперывная, нескончаемая, порой неистовая, вечно новая, — вот что стало определяющей линией жизни этого актера, казавшегося в разное время разным, иногда просто красивым, обаятельным парнем, которому все дается легко, играючи... Впечатление обманчивое. Теперь, когда видишь, сколько сделано, понимаешь: легко такое не бывает. Конечно, и природа оказалась к нему щедрой: внешность, пластика, сценическое обаяние... Но не забудьте при этом: настоящий спорт в молодости (сборная Уфы по волейболу), армия, то есть — воля, постоянный тренаж, труд. И, наконец, количество сыгранных ролей...

В прошлую субботу в Тульском драмтеатре состоялся творческий вечер, посвященный 25-летию сценической деятельности Н. А. Казакова. Там говорили, что за эти годы мало было сыграно на тульской сцене спектаклей, в которых не был занят Н. А. Казаков. Около восьмидесяти ролей. Первые — и сразу крупные, заметные, главные. Васюка в спектакле «На золотом дне». Олави в «Юстине», Освальд в «Привидениях» Ибсена. Егор Королев в «Возрасте расплаты». Паратов в «Бесприданнице». Черкун в «Варварах», Скроботов во «Врагах». Гай в «Темпе-29». Чешков — «Человек со стороны».

Роли названы наугад, какие вспомнились. Но вспомнились потому, что сыграны были ярко, сильно, впечатляюще. Целая галерея образов, очень разных, но и с определенной общностью, родством характеров, поскольку созданы они одним актером, а актер творит не на пустом месте — на материале своей души, своего сердца, своих, как говорят, психофизических данных.

Общее, объединяющее: во-первых, это всегда сильный, волевой, наступательный характер. Второе — четко выраженная гражданская позиция героя, будь это и положительный, и отрицательный персонаж. Эта особенность артиста подчас порождала тренировки с режиссерами.

— Мои герои как-то уж очень определенны... Или совсем рыцарь без страха и упрека, вроде Григория Гая или Бачана Рамишвили... А если уж плохой, то негодяй и злодей окончательный, вроде Яго. А я все чаще думаю о людях с судьбой, почему-либо не сложившейся, надломленной, о хороших, но неудачливых, слабых... Мне

хотелось, например, сыграть князя Мышкина. Я «подбивал» главного режиссера поставить «Идиота», но он никак «не видел» меня в этой роли. Говорил, что во мне много напора, воли, а Мышкин — «нюня», человек слабый, что я «сломаю» образ... Ну, а актер плодотворно работает в том случае, если они с режиссером единомышленники...

ГАЛЕРЕЯ образов. Разных, но, действительно, всегда сильных, волевых. Вчера это был Бачана Рамишвили в «Законе вечности», все время оказывающийся в меняющихся ситуациях, в столкновениях с самыми разными людьми, что дает актеру возможность особенно определенно оттенить его гражданскую и нравственную стойкость, активный характер, предельную искренность и бескомпромиссность.

А в следующий вечер — «Соловьиная ночь», конец войны, и наши солдаты, будто пьяные от счастья, как ни старается вернуть их на серьезный лад старшина, непрерывно смеются, острят, балагурят, веселятся по всякому поводу... Все! Нет больше ежeminутной смерти за спиной, не надо идти в атаку, колоть штыком... Мы снова стали теми, кто есть, просто людьми, иные даже еще мальчишками... Но вот среди них появляется полковник Лукьянов (Н. Казаков). Внимание зрителя невольно приковывается к его лицу, глазам, в которых застыли суровость, многознание, нелегкий опыт. Он не подвластен общему легкому, радостному настроению не потому, что, хотя война и кончилась и завтра эти солдаты поедут по домам, но армия есть армия, дисциплина и порядок — прежде всего. Может быть, он и рад бы был на минуту расслабиться, пошутить и посмеяться вместе с солдатами, которых беззаветно любит. Но он не может: слишком многое пережил, видел, понимает, предвидит... Приходит минута, и мы видим, сколь прочен, честен и мужествен этот человек, понимаем, каких людей выковывал суровый опыт жизни. Зритель потрясен сценой, в которой полковник принимает решение спасти сержанта, может быть, ценой всей своей дальнейшей судьбы.

В «Роденьких моих» мы видим Н. Казакова совсем в ином качестве. Это первый друг хозяев дачи, сделавший карьеру, он явился сюда эдаким благодетелем, всех осчастливил уж тем, что явился,

улыбается, похлопывает по плечам, дает советы, учит жить... Он прямо купається в любви земляков и хвастает, хвастает... Еще бы: стал большим человеком! Но вот незаметно, мелкими штрихами актер показывает, что человек-то этот вовсе не большой, а очень маленький, мелкий человечико. Вот он с невероятной важностью говорит о необходимости чистой анкеты, чтобы «выйти в люди». Потом, нимало не смущаясь тем, как он выглядит со стороны (ведь здесь все свои, все его любят!), он с каким-то даже сладострастием рассказывает, как иногда у себя на службе выходит в коридор, чтобы полюбоваться табличкой со своей фамилией на двери. Будто и сам все еще не может поверить своему счастью. И затем не большим штрихом артист окончательно «добивает» своего героя: среди всеобщей суматохи, шума, скандала этот друг семьи, сменивший, что с этих именин можно уехать не одному (а он явно из тех, кто никакой пожизны не упустит), стоит у стола и аккуратно, деловито складывает в пакет пирожки: готовится...

— Николай Алексеевич, вы недавно в печати высказались в том плане, что театр призван воспитывать зрителя в первую очередь на положительных примерах, в них особенно ярко выражается гражданская позиция художника...

— Я и сейчас это повторю. Мои любимые герои — это люди смелые, сильные, умные, преданные своей идее, умеющие вести людей за собой. Мне дорога роль Алексея Чешкова («Человек со стороны» И. Дворецкого), я старался не лишать этот образ чисто человеческого обаяния и, кажется, зрители тоже полюбили его. Григорий Гай, горячий, неистовый в своем стремлении построить завод... Разве не такие люди — герои сегодняшних дней? На наших московских гастролях пресса заметила и тепло отозвалась об этой работе. Генерал Огнев во «Фронте» А. Корнейчука. Я помню, с каким энтузиазмом говорили о нем курсанты Тульского артиллерийского училища... То есть, если пьеса хорошая, если правда созданного драматургом характера ложится на идейную убежденность, гражданскую зрелость, темперамент художника, этот сплав обычно создает заряд большой воспитательной силы. Но если художник вложит свое отращивание к ханжеству и лице-

мерию, свою ненависть к подлости в работу над образом отрицательного героя, это тоже воспитывает, как говорится, «от обратного». Этим путем я шел в работе над образом Ясюнина в «Гнезде глухаря», беспринципного приспособленца и карьериста, того же друга детства в «Роденьких»...

РАБОТЫ Н. Казакова часто вызывают у зрителей разноречивые мнения, споры. Одни ими восхищаются, принимают безоговорочно, другие доказывают, что Казаков холоден, играет лишь на внешних ресурсах — яркой фактуре, отточенной технике, умении отлично говорить, без «правдоподобного» бормотанья на сцене... Нужно сказать, что в самих спорах этих отражается любовь туляков к артисту, без которого уже невозможно представить тульскую сцену: его и «ругают» как своего, близкого. То есть хорошо работает, но, наверное, мог бы и еще лучше... И поскольку столь строгий счет предъявляется не к кому-то другому, а именно к Н. Казакову, создаваемому на сцене целую галерею личностей, выработавшему свое творческое лицо, свою линию, это само по себе весьма высокая оценка его работы. А также свидетельство того, что равнодушным они не оставляют никого.

Необходимо также заметить, что споры и разнотолки вокруг работ Казакова отражают в какой-то мере и искания самого артиста. Накоплен богатый арсенал мастерства, выработался стиль, отработано множество безотказных приемов. Не дай бог на этом успокоиться: пойдут штампы, возникнет эдакая монументальность. Накопленное мастерство должно стать средством выражения внутреннего перевоплощения актера. И Казаков ставит себе сегодня новые, более сложные задачи.

Можно с блеском играть Леонидо Папагато «Моя профессия — синьор из обществу», демонстрируя прекрасную пластику, обаяние, юмор и все прочие разнообразные способности своего героя, можно постоянно вызывать восторг зрителей этой работой и тем не менее оставаться его недовольным...

— Кто он, мой Леонидо, если вдуматься? Человек, сломленный судьбой. Весь его так называемый «блеск», вся буффонада построены на безнадёжности. Мы играем спектакль развлекательный, тогда как этот смех должен быть смехом сквозь слезы... Вот этого второго плана у

нас не получилось...

Видимо, время «простого героя» прошло. Человек сложный, мучающийся над какими-то проблемами, человек не слова, но дела — таков современный герой, которого ждет зритель и ищет актер. Вот почему Н. Казаков, сыграв Никитина в «Береге», отказывается от роли Васильева в «Выборе», предпочитая Рамзина.

— Во-первых, играя и Никитина, и Васильева, была опасность повториться. Все-таки они родные братья, созданные Ю. Бондаревым. Рамзин — куда более сложная фигура. Мне было интересно работать над образом, и я не мог относиться без симпатии к своему герою. Совершив трагическую ошибку в молодости, он всю жизнь расплачивался за нее страданием, тоской по Родине, и в итоге нашел в себе силы, чтобы достойно встретить конец. Вообще все больше меня привлекают люди сложные. Они честные, хорошие, но не все у них благополучно, не очень-то ясно и безоблачно складывается судьба. Как в жизни... Ведь со сцены можно сказать так много, в роль можно вложить свое отношение к жизни так ясно, что людям станет понятно не только какой твой герой, но и как ты сам...

Роль Андрея Буслая в спектакле «Порог» явилась, на наш взгляд, по-своему этапной в творчестве Н. Казакова. Режиссер и артист поставили перед собой сложнейшую философскую задачу: показать, как жизненная установка человека на одно лишь материальное благополучие ведет к нравственному одичанию, духовной гибели, к истощенности целей жизни. Актер решает эту проблему художественно по самому большому счету.

...Первая сцена. Буслай не лежит, а именно валяется на диване в чужой квартире, как грязный мешок с каким-то бархатом. Вот он заговорил — в интонациях, языке — та же грязь, цинизм, «приблатненность». Чувствуется, что человек этот давно потерял уважение к себе, а чтобы легче было, заодно и ко всему на свете... Оставшиеся живые чувства в нем — это обиды, злость, да еще способность, «придуриваться», палясничать...

Но вот по ходу спектакля актер будто сдирает с себя одну оболочку за другой, налипшие за всю беспутную жизнь, высвобождая его человеческую суть, а она, она зывается, и не столь уж пло-

ха. Мы вдруг замечаем, что начинаем испытывать симпатию и сочувствие к этому человеку, потому что видим на сцене живое, настоящее страдание, боль... А в стремительном развитии характера героя видим, как просыпаются, оживают в нем все новые, совсем было загубленные пьянством симпатичные стороны этой личности. Вот пробуждается в нем мужское достоинство, когда Красовский оскорбляет бывшую жену... Взывая к человеческой совести, он виртуозно «разыгрывает» рассказ об умершем на лавочке перрона профессоре, к которому за весь день никто не подошел, но беспощаден и к себе: «А ты подошел бы?» — «Нет... Пьяный подошел бы, а трезвый — нет!» Даже известие о том, что родители похоронили его, приняв другого за родного сына, он встречает поначалу дурацким смехом, и лишь постепенно до него доходит весь страшный смысл этого известия, а заодно и всей своей жизни...

— Николай Алексеевич, в этой работе так много разных красок, ну, этюдов, что ли... Ваш герой беспрерывно меняется, к концу спектакля он приходит совсем новым, другим человеком... Что для вас во время игры главное: мастерски сделать каждый этюд, или вы больше заботитесь о всей роли?

— Только вся линия, весь характер нужно иметь в виду. Держать состояние, так это называется. Тогда мизансцены будут создаваться легко, естественно, и во время длинного монолога зритель не задумается невзначай о чем-то постороннем...

— Столько ролей! Как это можно выдержать? Не наступает ли времена «амортизация сердца и души»?

— Это, конечно, нелегко. Работаешь чуть ли не круглосуточно, учишь новые роли, думаешь о ролях, снятых роли...

— Чего вы хотели бы сами себе пожелать на рубеже нового этапа творчества?

— И все-таки: много работать, много играть... Ведь артист только тогда артист, когда он работает, когда он на сцене.

Л. НОСКОВА.

На снимке: заслуженный артист РСФСР Н. А. Казаков.

Фото П. Роготнева.